

ТАТЬЯНА М.
МОРОЗОВА

ОДРУГАЯ

ЖИЗНЬ ВЕРЫ

16+

Любовные детективы

Татьяна Морозова
(Другая) жизнь Веры

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Морозова Т.

(Другая) жизнь Веры / Т. Морозова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Любовные детективы)

НОМИНАЦИЯ "ЛУЧШИЙ СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ". КОНКУРС "СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ". Романтично-детективная история о том, как одно событие может изменить всю жизнь. Получит Вера необходимый балл на экзамене или не получит - вот та переломная точка, после которой повествование о судьбе главной героини разбивается на две параллельные реальности. В одной Вера оказывается втянутой в расследование загадочного убийства. Убита подруга соседки Веры. Подозреваемый номер один - новый бойфренд убитой. Но он ли это на самом деле? Вере предстоит раскрыть много тайн, чтобы вычислить, кто на самом деле хитроумный преступник. В другой реальности Веру ждут непростые отношения с успешным, но сложным мужчиной. Она попадет в страшную западню. Сможет ли выбраться из нее? События развиваются непредсказуемо. Вас ждут две вариативные истории и два финала.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Вера

Июнь. 1996 год.

Все происходит быстро. Я бы даже сказала: стремительно.

Три месяца подготовки и груды учебников на углу моего письменного стола – в прошлом. Эта помпезная стопка каждый день напоминала мне о том, что календарь листает дни, что надо заниматься. И вот дни отсчитаны.

Я проштудировала всю физику, начиная с пятого класса и заканчивая одиннадцатым, выпускным. Ох, уж эти мне «Основы электродинамики» и «Квантовая физика». Они мне дались особенно тяжело. И – да, я готовилась к своему выпускному экзамену по физике три месяца.

И вот она я. Стою перед разложенными на первой парте билетами. Белые, абсолютно одинаковые листочки, уложенные аккуратными линиями. Сердце отбивает чечетку: «Какой взять? Где мой?» Тянусь рукой к самому, на мой взгляд, безобидному. Но тут отгадать совершенно невозможно. И как? Я ведь не Вольф Мессинг. Нарезанные листы бумаги совершенно идентичные и, конечно, равнодушны к чужим переживаниям, подсказать никак не могут.

Также как и училка физики. Молча наблюдает за мной, поджав губы. Похоже на то, что она решила отыгаться за все годы, проведенные с нашим неумным 11 «А» классом, на нас, пяти несчастных, которые имели неосторожность выбрать ее предмет для сдачи на выпускном экзамене. Мымра.

Сквозь приоткрытое окно ветер доносит гул голосов младших школьников, беззаботно журчащих у парадного входа. Началась первая смена школьного лагеря. Пойдут сейчас в кино-театр или на экскурсию какую-нибудь интересную...

В последний момент убираю руку: «Стоп! Не этот! Не мой билет. Вот тот мне нужен!» Поспешно, чтобы не передумать вновь, хватаю листочек из самой середины, переворачиваю, судорожно читаю буквы, которые превращаются в слова.

И расплываюсь в торжествующей улыбке: вопросы достались те, которые я и хотела.

Счастье! Фух. Можно выдохнуть!

Физичка смотрит на меня сквозь толстые лупы очков, растягивает губы в каком-то подобии улыбки (видимо, по моему довольному виду догадалась, что билет мне попался: «какой надо билет» – и, похоже, не рада этому). Обнажая как будто поеденные жучками зубы, спрашивает:

– Какой номер, Вера?

– Одиннадцатый, Виталина Викентьевна.

Она делает заметку у себя в таблице. Или как это там называется?

– Иди, готовься.

Я беру свой листочек и топаю на выбранное место, где уже все разложено для начала экзамена.

Мысли, облаченные в содержание, легко и быстро ложатся на экзаменационный лист с синим штампом в углу. Ох, как этот штампик всегда будоражит кровь.

Ветер колышет занавеску на окне. Похоже, все складывается удачно. Билет достался хороший. Пятерка у меня в кармане.

А «пятерка» по физике мне просто необходима для поступления в университет. У меня уже есть четверка по математике за экзамен. А для поступления на специальность, на которую мне хочется, нужно девять баллов. То есть надо иметь четыре и пять.

Я хочу поступать на экономическую специальность. Экономическое направление в вузах сейчас на самом пике своей популярности, нужны хорошие проходные баллы. Есть, конечно,

более крутые факультеты, куда без денег вообще не поступить. Юридический, например. Но я нацелилась на экономику. На бюджетное место.

Университет в этом году заключил с нашей школой в качестве эксперимента договор, по которому выпускные экзамены в школе приравниваются к вступительным в университет. Это первый год так. Еще в прошлом все было по старинке: сдал в школе выпускные, потом в университете – вступительные. Все лето в напряге.

А тут отмучился один раз в школе – и – «спи, отдыхай». С одной стороны – очень здорово, что так объединили экзамены, но, а вот с другой, как покажет дальнейшее развитие событий, – не очень.

В связи с тем, что проводится данный эксперимент, из университета на экзамен прикатил статный доцент кафедры «Физика».

От школы комиссию составили наша Виталина Викентьевна, учительница физики и математики, та, что дочка завуча, и еще молодой, пришедший только в этом году в школу физик, самый безобидный, пожалуй, из всей этой компании.

– Кто пойдет первым? – Виталина Викентьевна хищно и одновременно заискивающе улыбается.

Она – жалкое создание, абсолютно лишённое женской привлекательности. Все годы, что нам преподавала, она ходила в одном и том же нелепом унылом вязаном платье, которое ей совершенно не шло.

На уроках у нее всегда шумели. Конечно, им же физика не нужна. Только пять человек из нашего класса, включая меня, участвовали в этом эксперименте и собирались поступать на техническую специальность.

А она даже замечаний никогда не делала, чтобы прекратить эту вакханалию. Свое гундосила у доски.

Мне всеобщий хаос в классе всегда мешал. Я сидела всегда за второй партой, чтобы лучше было слышно и видно, хотя даже так близко к доске сложно было что-то услышать из-за всеобщего беспорядка.

И вот сегодня – откуда что взялось. Я вижу какие-то мстительные огоньки, поблескивающие в ее глазах сквозь толстые линзы некрасивых очков.

– Кто первый? – повторяет она свой вопрос.

Вообще-то, думаю, кто первым билет тянул. Это была не я.

– Может быть, ты, Вера, пойдешь? – спрашивает меня, встретившись со мной взглядом. Нечего было тарачиться на нее. Сама виновата.

– Хм.

– На балл выше первому оценка, – продолжает свои уговоры физичка.

О, заманчивое предложение. Пойду, пожалуй. Облегчу ей страдания.

– Хорошо, – встаю с места.

– Отлично, – Виталина Викентьевна облегченно улыбается.

Вообще не люблю ходить первой. Это мой первый опыт.

Занимаю место перед своими экзаменаторами.

Молодой светловолосый физик подбадривающее мне улыбается, мол: «Желаю успеха! Давай!»

Я набираю в легкие побольше воздуха, еще раз обвожу всех взглядом, и начинаю резво тараторить.

Я – хорошая ученица. В моем аттестате одни пятерки и четверки. На золотую медаль меня никто тянуть не стал. Здесь нужны или деньги, или пробивное чувство у класснухи. В моем случае ни одно из этих двух обстоятельств обнаружено не было.

Вопросы я знаю хорошо. Отвечаю на «отлично», по учебнику. Зрительная память приходит мне на помощь, и я мысленно переворачиваю страницы книги знаний.

Ну, вот я и подхожу к финалу своего выступления. Можно выдохнуть. Все практически закончено. Экзамен сдан. Пятерка у меня в кармане. Но я, похоже, рано радуюсь.

Моя учительница физики, этот неожиданно показавший гнилые зубки «синий чулок», который должен был за меня горой стоять, так не считает.

– Задавайте вопросы, – обращается она к коллегам.

Все доброжелательно молчат.

– Ну же, задавайте, – напирает она.

Тут молодой физик шумно вздыхает и задает мне несложный, во всяком случае – для меня, проштудировавшей весь курс физики, вопрос.

Я, открыв в памяти учебник за девятый класс, с блеском на него отвечаю.

Все одобритительно кивают.

– Еще вопросы, – не унимается гримза.

Что за... Она что? Завалить меня хочет? Чувствую, как начинают потеть ладони.

Теперь, послушная ее приказу, задает вопрос дочка завуча.

Тоже ничего вопрос. Отвечаю.

Но физичка не довольна. Она желчно смотрит на меня, потом переводит взгляд на преподавателя из университета и, обращаясь к нему, вопрошает:

– Геннадий Альбертович, Ваш вопрос.

Тот поднимает черную густую бровь, с недоумением смотрит на Виталину, почти незаметно ерзает на месте, подавшись немного вперед. Видимо, не привык, что с него вопросы требуют на таких мероприятиях.

Потом, немного подумав, хмуро произносит мой приговор.

Вопрос теперь уже из университетского курса. А как иначе? Он задает вопрос по материалу, в котором он «в теме».

Я бледнею и сваливаюсь куда-то в пропасть.

Ответа на вопрос я не знаю: в школьной программе этого нет.

Чумовая физичка победоносно смотрит на меня: добилась, чего хотела.

Я делаю попытки защитить себя, сказав, что это же не школьная программа.

В ответ получаю ее безапелляционное:

– Ты же, считай, в университет уже экзамен сдаешь. Должна соответствовать.

К такому жизнь меня явно не готовила.

– Не знаешь ответа? – ехидно осведомляется.

– Нет, – тихо отвечаю.

Тот, что Геннадий Альбертович, сам, видно не рад, что натворил. Каким-то оправдывающимся тоном объясняет ответ на вопрос, который задал, но я ничего не слышу. В голове шумит бурный поток водопада.

Мне бы сейчас вовремя вспомнить про оценку на балл выше, обещанную Виталинкой для того, кто будет первым, но эта мысль ускользает куда-то на фоне стресса, так и не превратившись в вопрос.

А уж физичка и подавно вспоминать про свое обещание не собирается.

Обведя в кружок пустое место на листочке со штампом, предназначенное для ответа на вопрос экзаменатора из университета, и поставив на нем знак вопроса, мне выносят приговор:

– Четыре.

Земля, круто покачнувшись, дает крен и выпрыгивает из-под ног.

Экзаменующие участливо смотрят на меня.

Собрав последние остатки мужества, на кисельных ногах я выхожу в темный коридор, где я даю волю своим слезам. В школьном коридоре непривычно тихо и спокойно. Нет обычного шума и гвалта. Все на каникулах.

Соленые струйки, непрощенные гости, катятся по моим щекам, затекают за белоснежный воротник парадной блузки, одетой по случаю экзамена.

Судорожные рыдания сотрясают мое тело. Я обнимаю себя за плечи, стараясь удержать себя от всхлипов. Но жалость к себе еще больше меня убивает. Я, сгибаясь пополам, сажусь на пол и, прижимаясь к стене, закрываю руками лицо.

Это же надо так отомстить.

Физичку бросил муж. Он был тоже учителем физики в нашей школе. Он ушел к более молодой и симпатичной. И наше учебное заведение тоже покинул.

Для Виталинки он был на редкость великолепным мужем. Очень высокий, шумный, неугомонный, с всклокоченными кудрями светлых волос. И она – некрасивая серая мышь. Как они вообще поженились? Для нас, школьниц, это оставалось загадкой. Совершенно друг другу не подходили: абсолютно разные типажи, как внутренне, так и внешне. Как она умудрилась такого мужчину подцепить? Но он, видимо, однажды опомнился и сбежал. Даже двое детей в их семье не удержали его.

И вот я имела дурость прийти как-то в жаркий день на консультацию по физике в красивом костюмчике, который, кстати, сама же и сшила из струящейся вискозы.

Она так на меня тогда посмотрела... Взглядом, полным ненависти. Я думаю, она во мне увидела ту, что увела от нее мужа.

И вот теперь она со мной поквиталась. За что, спрашивается? За мой красивый костюм и эффектный внешний вид?

За то, что все остальные шумели на ее уроках, а я слушала внимательно?

А Виталинка теперь имела новое развлечение: ходила на зимнюю рыбалку с мужиками. Вот так-то. Скромняшка наша. Вся школа просто в шоке от нее.

И могу сказать: в итоге она «нарыбачит»... Если забежать чуть в будущее, могу сказать, если интересно, что какой-то рыбак сделает ей третьего ребеночка и, вроде, даже женится на ней. Но это все совсем другая история. А как же я?

А я все еще сижу в коридоре своей школы.

– Надо собраться. Не хочу, чтобы тебя видели такой. Надо идти домой. Там поплачешь всласть, – повторяю я себе снова и снова.

Неуверенно поднимаюсь по стенке, вставая на ноги. И бреду домой, глуша в себе остаточные всхлипы, судорожно вырывающиеся из самого моего сердца.

Какие-то события в жизни, иногда даже совсем незначительные, могут привести к изменению судьбы. И совсем необязательно, что за скверным событием будет следовать череда плохих.

И напротив: совершенно не факт, что все дурное, что случается в жизни, обязательно приведет к неудачному финалу. Вовсе нет. Бывает как раз наоборот.

В этот день моя жизнь круто развернулась, изменив направление своего мирного течения в другую сторону, приняв абсолютно другой расклад.

Эта «четверка» по физике стала знаковым событием в моей жизни.

Если бы я знала тогда, по каким жизненным дорогам, имеющим точку отправления на этом перекрестке, поведет меня судьба, то я бы, возможно, не сидела сейчас и не плакала в пустом школьном коридоре, а порадовалась своей четверке.

Но я этого не знала. Прожить я могла только одну жизнь. А потому испытала сильнейший стресс, близкий к депрессии.

Глава 2

Другая жизнь Веры

Как бы иначе сложилась жизнь Веры.

В том случае, если бы она получила так необходимую ей «пятерку» по физике.

2001 год.

Как и хотела, Вера поступила на экономику. Пятерка, которую она получила на экзамене по физике, и четверка по математике дали ей возможность поступить на специальность, на которую она хотела. На экономику.

Дальнейшая ее жизнь рисовалась ей великолепной и солнечной.

Но почему-то студенческие годы не стали для нее тем, на что она рассчитывала. Студенческое сообщество подобралось амбициозное, все сплошь «себе на уме», ни к кому на хромой козе не подъедешь. Ни одного нормального человека.

Она потихоньку превращалась в незаметную тень самой себя.

Ведь на человека сильно влияет внешнее окружение. Один и тот же человек, попавший в различные жизненные ситуации, окруженный разным коллективом либо единомышленников, либо враждебно настроенных личностей, будет вести себя по-разному. И абсолютно необязательно, а скорее наоборот, что попавший при одних обстоятельствах «в струю» человек, будет себя чувствовать так же уверенно, если вдруг выпадет из этого волшебного потока благоприятных условий.

Даже исключительно уверенные в себе люди тушуются под напором неблагоприятных факторов. А Вера даже и не относилась к таким людям.

Поэтому, когда она получила свой диплом, она с радостью покинула стены учреждения, с мыслями о том, что, больше, пожалуй, не стоит сюда возвращаться. Да и поддерживать отношения со своими одногруппниками, теперь уже бывшими, у нее не было никакого желания.

Пролетели ее студенческие годы между стенами университета, просвистели – и нет их. Оглянулась назад, а вспомнить-то и нечего. Нет ничего такого, чтобы жужжащий гул обгоняющих друг друга мыслей и картинок недалекого прошлого так всколыхнул паутинку обыденности, чтобы сердце зашло в сладостном трепете, чтобы радостным сиянием налилась грудь. Только какие-то комья грязи, да налипшие на лобовое стекло пожухлые листья.

Но потом судьба все же постучалась к Вере в оконце долгожданной трепетной птицей, ласковым крылом открыла путь в начале семицветной радуги. Неуверенной поступью ступила Вера на сияющую тропинку, которая повела ее вверх по жизненному пути.

Все больше набираясь смелости, она постепенно перешла с шажков на полусогнутых к бодрому восхождению. Все выше и выше оказывалась она на разноцветной блистающей дороге, стремясь вскарабкаться к самому пику. Но, к сожалению, у радуги есть вершина, а есть еще и спуск с нее.

Но Вера еще об этом не знала.

Вера уехала из родного Залепинска в Москву. Набирали специалистов ее профиля в крупную фармацевтическую компанию. И самым лучшим студентам из их группы предложили пройти собеседование. Это была первая улыбка судьбы.

Вера, конечно же, решила попытать удачу. Во всяком случае, она ничего не теряла. В Залепинске выпускницу экономической специальности не хотели брать даже на зарплату в восемьсот рублей (действие происходит в 2001 г.), так как работы было мало, а опыта работы у нее не было. В Москве же специалисту предлагалась зарплата в восемьсот долларов. Неплохая такая разница в бюджете, не правда ли?

Но было одно маленькое «но». Даже большое, без решения которого ничего бы не получилось. Для устройства в престижную фирму была необходима московская прописка или хотя бы временная регистрация по месту жительства в столице.

На этом этапе ее восхождение по радуге могло и закончиться. Но, взяв над ней шефство, трепетная птица, до поры до времени присматривающая за девушкой, и здесь кинула ей спасательный круг в лице дальней московской родственницы.

Живущая на окраине Москвы троюродная тетка зарегистрировала девушку у себя, небезвозмездно и временно.

Вера со своим красным дипломом уверенно прошла конкурс из трех этапов.

На первое было собеседование со службой персонала, на второе – с непосредственным руководителем, на компот оставалось собеседование с директором подразделения.

Но и с ним она успешно справилась. Трепетная птица ей помогала.

Зарплата в компании была во много раз больше, чем ей могли бы предложить в родном городе, да и той не предлагали. Поэтому она, без страха обзревая свое великолепное будущее, собрала небольшую сумку личных вещей и отправилась в Москву.

Высокие здания, широкие проспекты, шум пролетающих машин, большое количество все время куда-то спешащих людей – все это было ей вновь и радостно будоражило застоявшуюся в небольшом городке девичью кровь.

От работы ей даже оплатили съемную однокомнатную квартиру в спальном районе столицы. Удача просто, как в сказке.

Вера подумала, что такую неожиданную удачу, возможно, можно объяснить тем, что она понравилась совладельцу компании, с которым она нос к носу, вернее: ее спина к его груди, столкнулась в дверях кабинета службы персонала, где она оформляла свои документы, пройдя все собеседования на новую высокооплачиваемую должность. И что этот аттракцион невиданной щедрости – его рук дело. Ведь такие квартиры предоставляли не всем. Ей действительно повезло. А почему – она не знала.

Совладелец компании, каким она его увидела в первый раз, и каким он ей запомнился, пролетал мимо нее по своей орбите в виде спортивного мужчины чуть старше тридцати, с волевым, красиво очерченным подбородком, со спокойным взглядом глаз цвета полыни и мерцающими зелеными искринками в их самой глубине. Но глаза его она увидела потом.

Сначала, пятясь спиной из кабинета и бросая последние реплики менеджеру по персоналу, она практически вжалась в его крепкое тело и ощутила прикосновение теплых мужских рук к своим плечам, почувствовала запах силы. Она попала в траекторию движения его планеты.

– Это кто тут у нас такой стремительный? – услышала она мягкий низкий голос где-то над своей головой.

Вера стеснительно замерла и стала медленно оборачиваться. И вот тут-то она и встретила с насмешливыми зелеными чертиками, танцующими по серой глади: взгляд склонившегося над ней мужчины заставил ее затрепетать. Он совсем не рассердился – уже хорошо.

– Это наш новый экономист, Денис Викторович, – хихикнула менеджер Светлана, которая проводила с Верой заключительную беседу, разъясняла административные вопросы и оформляла все документы. Менеджер по персоналу сразу вскочила со своего места и подлетела к ним.

Вера увидела, как Светлана Валерьевна (так она ей представилась, хотя была ненамного ее старше) залилась краской, и Вера испытала что-то, похожее на злорадование.

Безусловно эта девица была без ума от мужчины с зелеными дьяволятами в глазах.

Денис Викторович одарил нового экономиста своей компании задумчивым взглядом умных пронизательных глаз и плавно протянул:

– Экономист, значит...

Какой же у него низкий, до мурашек приятный, голос. Эх. О чем она вообще думает?! Она еще не знала, кто это. Но по виду Светланы догадалась, что кто-то необыкновенно важный.

– Удачи на новом месте, – проворковал бархатный голос, и Вера, потеряв тепло его тела за спиной, ощутила холодную дрожь.

Странное необъяснимое чувство она испытала, когда с тоской смотрела на его удаляющую бодрым пружинистым шагом широкоплечую фигуру, упакованную в дорогой костюм, уложенные небрежным вихрем волнистые темные волосы.

Что скрывать – она была под впечатлением.

«Хорош Денис Викторович. Очень хорош», – подумала Вера, а вслух очень тихо спросила менеджера по персоналу, которая стояла рядом с ней и тоже провожала взглядом спортивную фигуру:

– Кто это?

– Наш босс. Сын хозяина, – Светлана, похоже, могла говорить о нем сколь угодно долго, возможно, даже нарушая пункты о неразглашении. – Большой босс уже переписал на него эту компанию. На него и его брата. Но брат здесь не появляется, – она махнула рукой в пространство. – Всем заправляет Денис Викторович.

Вера молча слушала.

–А вообще, – доверительным шепотом продолжила менеджер по персоналу, – у семьи Свердловских очень крупный бизнес. Фармацевтика – капля в море.

Болтливая оказалась Светлана Валерьевна.

«Вот как. Босс, значит. Сыночек богатого и влиятельного бизнесмена. Да-да. Конечно. Видно сразу, что он выступает в другой лиге», – подумала Вера и поняла, что ловить ей здесь абсолютно нечего.

Не для ее утлого суденышка океан. Да и рыба – не пескарлик какой-нибудь.

На удочку не поймаешь.

Глава 3

Вера

2001 год.

Я заканчиваю университет. Специальность «Архитектура».

Получив тогда четверку по физике, я исчерпала свою возможность поступить на экономику. И, посоветовавшись с родителями, я выбрала творческую специальность: «Архитектуру».

Хотя учительница по литературе и очень настаивала, чтобы я шла на филологический, утверждая, что у меня талант. Но туда я не пошла, потому что, заглушая литературный талант, настойчиво заявлял о себе и технический склад ума, который хотел дальше развиваться.

Я всегда любила рисовать, творить, сочинять. Все всегда видели во мне креативный потенциал. И вот я поступила на замечательную специальность и не прогадала. Похоже, это как раз мое.

Выбранное мною направление требует сочетание творческого подхода (как раз мое) с умением четко следовать математическим принципам (тоже мое). Необходимы здесь и знания точных наук.

Всевозможные макеты, композиционные модели, рисунки – все это шло в параллели со мной эти пять лет.

И вот сегодня я получаю из рук декана свой красный диплом: «Гуляем!»

Почему-то так сложилось, что у нас в группе были одни девчонки. Ни одного парня. Удивлена этим очень была. Не думала, что «Архитектура» – женская специальность.

Не знаю, из-за этого или по какой-то другой причине, я провела почти все свои студенческие годы, время от времени отрываясь от своей интересной учебы (не скрою: учиться мне нравилось) в поисках того единственного, но так его и не нашла.

Так как на работу по специальности устроиться после университета не было никакой возможности (к сожалению, никому не нужны дипломированные архитекторы, особенно в провинциальном городе, где строят однотипные дома, да и то не особо активно), я, конечно же, не отказалась от поступившего мне предложения пойти учиться дальше. В аспирантуру. Причем по экономическому направлению. Как вам такая узорная вышивка судьбы, а?

Сдав экзамены в аспирантуру, я теперь имела полное право отдохнуть летом в деревне у моей бабушки, что я и делала.

Вы застали меня сидящей на качелях возле бабушкиного дома. Я с удовольствием созерцаю, как ветер кудрявится в высоких верхушках деревьев, запутывается в них солнечными шелестящими зайчиками.

– Верусь, иди блинчиков поешь, – зовет меня бабуля из окна.

Ее морщинки весело улыбаются, а добрые глаза полны тепла и ласки.

Бабушка живет в пригороде Залепино, в небольшом домике с зеленой крышей. У нее чудесный вишневый сад, а еще замечательный сосед Антон Кузнецов. Помню, как он все время висел на заборе, подсматривая, как я делаю аэробику. Смешно.

Антон обитает в соседнем доме со своей мамой, отчимом и младшим братом; папу он своего не знает, как, впрочем, и деда. Правда, потом тут кое-что интересное выяснится. Но об этом чуть позже.

Как черт из табакерки, услышав ее призыв, над верхней кромкой забора выскакивает густая копна волос цвета спелой пшеницы и пара веселых голубых глаз. Это Антон Кузнецов. Прошу любить и жаловать.

Он на два года старше меня, закончил в Питере юридический. Поступить туда ему помогли знакомства мамы. Работает Антон кем-то там, не знаю – кем. Сейчас у него отпуск: не раньше, чем вчера он приехал навестить маму.

Игривая улыбка озаряет его загорелое лицо, и он лукаво осведомляется:

– Вроде, там на блинчики звали?

«Ну не тебя ж звали, а меня», – хочу сказать, но разве можно устоять против веселых смешинок в его глазах.

– Антош, иди, иди тоже, – засуетилась вмиг бабушка в окошке.

Довольные голубые глаза исчезают, а высокого роста и безукоризненного сложения фигура через пару секунд появляется в калитке.

Он подходит ко мне, берет мою руку, театрально целует запястье. Вдыхая воздух, прикрывает глаза. На миг замирает...

– Черную смородину ела?

– Ела, – хочу одернуть руку, но он не дает. – Что? Нельзя? – дерзко смотрю в его глазюки. Крепко держа меня за запястье, он разглядывает меня так, как будто видит в первый раз.

– Ты чего, Тоша? – спрашиваю.

– Давно не видел тебя. Соскучился.

Его лицо освещается улыбкой, как небо утренним рассветом. Обаятельная улыбка у бабушкиного соседа. Ничего не скажешь.

Я недоуменно дергаю плечом, освобождая все же руку из его захвата.

– А ты что? Не соскучилась? – заглядывает мне в глаза.

Я разворачиваюсь и плавно иду к дому.

– Некогда было как-то скучать, – небрежно кидаю через плечо.

Он шаг в шаг следует за мной. И мне почему-то кажется, что он всю оглядывает меня, и от этого я чувствую себя как-то неуверенно.

– Антошенька, ну как у тебя дела? На работе как? – интересуется бабушка.

Она по-соседски любит Антона, всю жизнь дружила с его бабушкой, которая полгода назад умерла и оставила очень странное письмо своим родным.

– На работе все нормально, тетя Ира, – гудит Антошенька метр восемьдесят пять ростом.

Он с детства называет мою бабушку по имени.

– Вер, пошли ходим на речку, – предлагает он.

Не видя моего отклика на свое предложение, он добавляет:

– Можно просто так куда-нибудь сползть.

«Ну куда тут сползть в деревне?»

– А вечером у мамы день рождения. Она позвала вас? – окидывает он нас с бабушкой веселыми глазами.

– Да, придем, конечно, – опять суетится бабушка.

Мы-то придем.

Но мы сейчас еще не знаем, что день рождения тети Ларисы, мамы Антона, будет омрачен событиями, которые еще и не видывала спокойная небольшая деревенька, крыши домов которых сейчас так ярко расцветивает солнце. И сделать мы с этим, увы, ничего не сможем.

Глава 4

Другая жизнь Веры

Жизнь понемногу набирала обороты. Вера придала своим великолепным золотисто-каштановым волосам безупречную форму у дорогого стилиста, приобрела себе, пусть и на распродаже, приличные туфли и облеклась в безукоризненно сидящий на ней жемчужный костюм.

Да, и еще: она теперь использовала парфюм от Diog. Несбыточная, казалось, мечта ее юности осуществилась. Как мало надо скромной провинциальной девушке без особых запросов для счастья.

Она не превратилась, конечно, в знойную красавицу, в обольстительную женщину-вамп с обложки глянцевого журнала, но хотя бы стала немного соответствовать стандартам того офиса, в котором работала.

А стандарты были такие. Каждый день – новый костюм. Всю неделю ходить в одном и том же было негласно запрещено. Вернее, не запрещено, а неудобно.

Но у Веры не было даже одного костюма, и ей приходилось ходить в том, что у нее было. Средства не позволяли ей сразу обновить свой скудный провинциальный гардероб.

Москвички, наряженные фифы, благоухающие дорогим парфюмом, смотрели на нее с пренебрежительным достоинством. Опять повторялась студенческая история, Она снова попала не в свой круг людей. Но Вера стойко держала удар.

Оказаться здесь было для нее своего рода крупным успехом, и она не обращала внимания на мелочи. Старалась не обращать. Так вернее.

Она считала, что ей повезло с непосредственной начальницей. Уже неплохо. Ирина Анатольевна сразу разглядела в ней ценного сотрудника и успешно заваливала ее различного рода задачами, с которыми Вера успешно справлялась. Небольшая помощь в лице Томочки Кляревич оказалась ей очень кстати.

Эту темноволосую с живыми карими глазами девушку Ирина Анатольевна сразу прикрепила к молодому специалисту Вере Игнатовой в качестве наставника. Или Веру к ней. Это с какой стороны посмотреть.

Пожалуй, Тома была единственным человеком, с которым Вера общалась на работе по-дружески. Кроме начальницы, с которой она просто общалась.

– Замечательные у тебя таблички получаются, – восторгалась Ирина Анатольевна, разглядывая в очки от Версаче очередной Верин креативный шедевр.

Потом брала выполненные Верой расчеты и, выпорхнув из своего объемного светлой кожи кресла грациозной газелью, деловито спешила на очередную планерку с начальством, блестя Вериними таблицами и белозубой улыбкой.

Вера, в душе – истинный трудоголик, с усердным рвением рыла землю, уже выкопав носом в твердом грунте колодец. Она была рада оказаться полезной начальству.

Другие сотрудники их коллектива не проявляли такого усердия к работе. Да и вообще работать не очень хотели. Стремились найти возможность свинтить от поручаемой им работы, да подальше. Спускали выполнение на глубоких тормозах, перевешивая задачи с крючочка на крючочек.

Поэтому Вера в этом питомнике изнеженных орхидей была долгожданным глупым колокольчиком, готовым работать не только сверхурочно, но и без обеда.

И вот случайное совпадение обстоятельств вывело Веру на новый уровень.

Ирина Анатольевна позвонила лично ей и попросила сходить на «небольшой междусобойчик» – так она это назвала, который был назначен на три часа дня. Ирина Анатольевна еще в двенадцать уехала по личным делам, планируя вернуться после обеда. Но планам ее, видимо, что-то помешало.

Вера, услышав ее просьбу (или распоряжение?) в трубке, почувствовала, как ее сердце подпрыгнуло куда-то к горлу, да так там и осталось, бешено колотясь и пульсируя. Живот обожгло кипятком.

– Там на повестке как раз те расчеты, что ты готовила. Не беспокойся. Справишься. Распечатай в пяти экземплярах. И ступай, – пропела соловушкой Ирина Анатольевна в трубке и закончила разговор.

Легко сказать: справишься. Труднее справиться...

Но она должна, конечно, должна. Просто обязана справиться.

Вера послушно отправила на принтер, как было и велено, пять копий своих цветных шедевров. Посмотрела на часы в углу монитора: без четверти три. Оставалось пятнадцать минут.

Сердце гнало по венам ядовитую смесь страха, тревоги, беспокойства и еще чего-то. Жуткий коктейль.

Барабанная дробь пульса стучала в висках, мешая собрать панически разбегающиеся в разные стороны умные мысли.

Вера на деревянных ногах подошла к зеркалу, висевшему на дверце шкафа, и увидела свое отражение, с которым она еще не очень освоилась. Ведь у дорогого имиджмейкера она не только стильно постриглась, но и выкрасилась по его совету в медно-рыжий цвет. Цвет получился слишком ярким, на ее взгляд, и она еще не понимала, идет ли он ей на самом деле, как живописал стилист, или все же нет.

Из зеркала на нее смотрела практически незнакомка.

О ее прежней внешности только напоминала темная родинка на когда-то пухлой щеке и наивный блеск голубых глаз.

Но незнакомка, по мнению Веры, была все же хороша, с каким-то пусть небольшим, но все-таки лоском, штучка.

Девушка подкрасила губы поярче, причесала волосы, мягким каскадом обрамлявшие ее лицо, натянула на губы фальшивую улыбку. Нет, так дело не пойдет. Улыбка должна быть искренней. Но где уж там до искренней улыбки, если желудок завязался узлом.

Посмотрела на свое отражение сбоку, расправила складку на юбке. Еще раз оглядела себя и осталась довольна.

Вера посмотрела на незатейливые часы на своей руке: до трех часов оставалось десять минут.

Время двигалось исключительно медленно, а сердце стучало слишком быстро.

Едкий коктейль жег ей все внутренности, бурля адреналиновой смесью в животе.

Осталось пять минут.

Вера сгребла подготовленные таблички, ежедневник и шариковую ручку и, гордо расправив плечи, посвистала в сторону дирекции.

Ее ноги в новых туфлях бойко шагали по мягкому ковровину, который заглушал ее шаги, но не заглушал стук ее сердца.

Она знала, где проходят эти «небольшие междусобойчики». Да и большие -тоже. В его кабинете.

И от осознания того, что Денис Викторович Свердловский будет там, кипящая смесь в ее животе начала булькать.

Она поняла, что ей хочется еще раз увидеть его (и не раз). Понять, действительно ли он так хорош, как ей помнилось. Хотя, с другой стороны, зачем ей это?

Со дня их первой и последней встречи прошло чуть больше месяца. Встретить его где-нибудь в коридоре ей не удавалось, хотя очень хотелось. Она не сомневалась, что он не помнит ее. А она, глупая, никак забыть не могла его теплые руки на своих плечах, зеленые искорки в его глазах.

«Он совершенно в другой ценовой категории», – укоряла она себя постоянно, но с мыслями, беспокойно суетившимися в ее голове помимо ее желания, поделаться ничего не могла.

Вера зашла в приемную.

Модельных стандартов девушка, его помощница, просканировала Веру взглядом из-под аккуратно покрашенных ресниц и произнесла:

– Ирина Анатольевна предупредила, что у нее сегодня замена. Заходите.

Вера сделала робкий шаг по направлению к двери, сама открыла небольшую щелочку, которой хватило исключительно для того, чтобы протиснуть ее хрупкое тело внутрь.

На нее хлынул поток света, изливающийся из окон.

Она еще ни разу здесь не была и поразилась большому, прямо скажем, огромному помещению.

Похоже, Денис Викторович сильно себя любил, баловал и ни в чем себе не отказывал. А почему бы и нет? В этом не было ничего удивительного. Казалось бы наоборот странным, если бы было по-другому.

Как в лучших традициях голливудских фильмов на стене висела мишень для дротиков. Или в фильмах не мишень? Ах, да. Там в гольф все играют. В кабинетах своих. А здесь вот дротики. Тоже неплохо.

Вера поймала на себе сосредоточенно-цепкий взгляд глаз цвета полыни. Зеленых искр она сейчас не увидела. Может, все дело в освещении?

Она снова подумала, до чего же он все-таки хорош. Она и забыла практически, как он великолепен. Какое-то тeneвидное воспоминание, вроде призрака, даже не подкрепленного цветом, время от времени мелькало перед ее мысленным взором. Все на уровне ощущений и глупых фантазий.

А вот теперь она с придыханием созерцала его: воплощение красоты и девичьих грез. Но теперь перед ней находился реальный персонаж из плоти и крови.

Могу вам сказать, что Денис Свердловский по типуажу был очень близок к Лиаму Хемсворту. Но в 2001 году будущему актеру было всего лишь одиннадцать лет, и его звезда еще не сияла на небосклоне, поэтому Вере сравнить Дениса было не с кем.

Вера прошмыгнула в безупречно сидящем на ней жемчужном костюме (как удачно, что она сегодня его надела) на незанятое место. Таких мест, впрочем, здесь было много.

Стол был длинный, мраморного цвета, с двух сторон стояли обычные офисные стулья. Денис Викторович сидел не во главе, как этого можно было ожидать, а с правой стороны, в самом начале стола.

Так он, видимо, хотел быть ближе к народу?

Вера решила сесть спиной к окну, подумав, что так меньше возможности будет у присутствующих увидеть красные пятна на ее лице, которые, она чувствовала, уже начали отвоевывать территорию на ее бледном личике.

Потом, вспомнив, что не отдала раздаточный материал, вскочила, громко стукнувшись о стол коленкой, поймала на себе насмешливые зеленые искорки, от чего еще больше покраснела, и раздала всем присутствующим свои выкладки.

Она никого здесь не знала. Только Дениса Викторовича. Да и его тоже, собственно, разве она знала?

Представляться никто ей не собирался.

Денис Викторович призвал всех собравшихся внимательно рассмотреть материал, потому что они собрались здесь, чтобы обсудить его.

Вера, сама себе удивившись, вдруг бодро произнесла:

– Я за Ирину Анатольевну. Если будут вопросы, спрашивайте, я все расскажу.

Те пять человек, что сидели за столом, лениво перебирали ее листочки, рассматривая с явной неохотой предоставленные выкладки.

– Так что там с предложением для партнеров? Что Вы нам хотели рассказать? Разъясните более подробно, – услышала она низкие бархатные частоты, глушащие все другие звуки вокруг, и глаза цвета полыни задумчиво уставились на нее с вопросительной интонацией.

Стрессовое состояние, видимо, вмиг обострило все функции организма, о существовании которых Верочка и не подозревала, налив ее тело чрезвычайными возможностями.

Девушка открыла рот, и из ее губ быстро и плавно потекли слова, превращаясь в шикарный доклад. Вера сама от себя такого не ожидала: она ведь даже не готовилась и, зайдя сюда, даже не знала, что будет говорить, когда вдруг ее о чем-то спросят.

И вот ее спросили, а она не подкачала

Говорила Вера уверенно, с небольшой улыбкой в уголках накрашенных яркой вишневой помадой губ, старалась произвести эмоционально приятное впечатление от своей личности и от того, что она сейчас говорила.

Вера видела, как по мере ее продвижения в словесных экзерсисах преображался взгляд Дениса Свердловского, становясь все более заинтересованным. Зеленые искорки, когда-то покоящиеся на самом дне его глаз, теперь сверкали в доминирующем количестве, превращая серое сияние практически в изумрудный блеск малахита, озаренного солнцем из окна.

– Очень интересно докладываете, – одобрительно кивнул он, елозя вдоль линии темной брови указательным пальцем, и его губы тронула слабая улыбка.

Когда она закончила свое небольшое выступление, она поняла, что произвела на него, да и на всех остальных, блестящее впечатление. Но на других ей было наплевать.

Раскрасневшись от неожиданного успеха, заинтересованных взглядов собравшихся мужчин, а главное – от зеленых искорок в серой бездне, она села на свое место и опустила вниз глаза, пытаясь унять разбушевавшуюся мелкую дрожь. Но это плохо у нее получалось.

Она подняла глаза и встретила с внимательным изучающим взглядом цвета полыни, расцветенным коварно блуждающими зелеными огоньками.

Денис смотрел на нее в задумчивости, явно о чем-то размышляя. Освещенное светом из окна его лицо было божественно красиво.

«Как так ему повезло в жизни? – думала Вера. – И красавец, и богач. Какие курсы надо пройти, чтобы родиться так удачно? И в каком месте проводят подобные курсы?»

Знойные губы чуть приоткрылись, и его голос, тягучий и теплый, как стекающий жидкий шоколад, донесся до Веры откуда-то издалека, мгновенно выводя ее из задумчивости о странностях бытия.

– Я думаю, ваше сообщение всех приятно удивило, – он обвел взглядом окружающих. – Не знал, что в отделе у Ирины Анатольевны запряганы такие интересные сотрудники.

Последнее предложение он говорил, не сводя с нее странно туманного взгляда.

Он был как киви в шоколаде, изысканный, вкусный и манящий, с медленно стекающей пеной.

В этом месте она готова была услышать аплодисменты, но их не последовало.

Она нервно сглотнула пересохшим горлом.

– Я думаю, мы можем перейти к следующим вопросам. Здесь все предельно понятно и ясно, благодаря ... – полынью впила в нее взглядом.

Вера не поняла, чего он от нее хочет.

Сидевший рядом с ней молодой перспективный, в дорогом костюме с не менее дорогим галстуком, человек, шепнул ей:

– Представьтесь.

Вот оно что.

– Вера, – произнесла девушка.

– Просто Вера? – чувственные губы сложились в тонкую насмешку. – А фамилия у Веры есть?

– Игнатова, – механически ответила Вера, поднимая подбородок и смело встречаясь с зелеными огоньками.

– Отлично, Вера Игнатова. Будем знакомы.

Глава 5

Вера

Первой, понятное дело, на день рождения Антошиной мамы Ларисы вкатывается благоухающая цветочными духами тетя Люда, лучшая подруга именинницы, с новым столичным кавалером.

На этот раз мужчина у нее действительно неплохой. Обходительный, одетый с иголочки, довольно симпатичный. И мне не особо понятно, какие у них могут быть общие интересы. Вообще пара странно смотрится. Мне кажется, он даже моложе ее. Совершенно она ему не подходит. Как и он ей. Но если учесть, какие мужики у нее были до него... «Обнять и плакать», – так это, кажется, называется. Вспомнив это, можно подумать, что на этот раз ей, возможно, все-таки улыбнулась фортуна своей дьявольски обольстительной улыбкой.

В личной жизни Людмиле исключительно не везло. Она рано вышла замуж за своего одноклассника, но вскоре развелась. Детей у нее не было. А мужчины были. Причем много. Мужчин (или они ее) Людмила меняла каждый год или полгода. Как повезет. С везением тут было не особо. Кого найдешь в деревне? Ее личная жизнь обычно начинала поблескивать перламутром летом, когда в деревню приезжали столичные дачники. Как сейчас вот.

Новый ухажер по имени Виктор был новым дачником. Он снял на лето небольшой домик. Людмила сразу его заприметила, а он без особых напрягов поддался чарам опытной соблазнительницы.

Я вот смотрю на эту пару: в данный момент она в очередной раз глупо хихикает над его не совсем уместной шуткой, что выдает в ней ее крайнюю заинтересованность в нем. А он польщенно улыбается. Похоже, млеет от нее? Чудно.

Вообще обычно бойкая и горластая Людмила была сама на себя не похожа. Раскрасневшаяся, сияющая. В общем, видно, что сильно не равнодушна и очень хочет еще больше понравиться. Отношения в начальной стадии.

А вот каков этот Виктор? На жигало чем-то смахивает.

Что может понадобится столичному кавалеру от деревенской простухи, спросите вы? Ну, во-первых, не такая уж Людмила и простуха. А вполне себе обеспеченная. Что делает ее довольно привлекательным лакомством.

У Люды ведь самый лучший дом в деревне. Большой, кирпичный, с черепичной крышей. Ее отец был когда-то председателем колхоза. Очень выгодная должность. Он и состряпал своей наследнице такой домишко. От колхоза уже ничего не осталось, только дом у Людки.

Плюс работает она в администрации села. Деньжата водятся.

Что если предположить, что он и не столичный вовсе кавалер, а сказку сочинил? Что сам он из какого-нибудь Мухосранска прикатил и за душой ни гроша? Что рассчитывает за Людмилину счет в СВ вместо плацкарта прокатиться? Тогда все встает на свои места. И его заинтересованность Людмилой -тоже. С трудом верится в любовь с первого взгляда. Ведь ведет он себя именно как влюбленный.

В общем, есть над чем поразмыслить. Только мое ли это дело? Фи. Превращаюсь в деревенскую сплетницу.

В подарок «молодая пара» принесла бутылку эксклюзивного дорогого вина. Во всяком случае так сказал щегол Виктор. А уж как на самом деле, какое оно дорогое, не имею ни малейшего представления. В винах я не разбираюсь. А уж тем более: в дорогих. Коробку конфет еще притащила парочка и букет бордовых пионов с огорода.

Мама Антона, розовая то ли от удовольствия, то ли от выпитого уже шампанского, радушно приняла их сувениры.

Следующей приходит Мария. А-ля горошек. У нее длинные, до лопаток, мелированные волосы, удивительно подвижные карие глаза и светлая челка, практически закрывающая их. А еще у нее очень длинный нос. Она всегда про всех все знает. Как у нее это получается, ума не приложу. Даже не выходя из дома, она всегда в курсе всех новостей. А выползает она из дома не для того, чтобы что-то узнать, а для того, чтобы что-то кому-то сообщить.

И вот, конечно, никакое событие в деревне без нее не обойдется. Она совсем не подруга тете Ларисе, но на день рождения прилетела, захватив с собой в качестве подарка шоколадку и маленькое ведерко черной смородины. Можно подумать, у Ларисы своей черной смородины нет.

Так. А это уже интересно. Мария подходит к Антону, сияет улыбкой в тысячу киловатт, со знанием дела перебирает тонкими пальчиками по его льняной рубашке, мягко обтягивающей крепкую грудь. Смахивает несуществующую соринку с его плеча. Ничего себе. Говорила бабушка: «Обрати внимание на соседа. Хороший парень». Но тут другие уже, похоже, обратили. Как всегда, не успела. Или все таки...

Ее незатейливые ласки, похоже, не находят отклик в нашем с бабушкой соседе. Он улыбается ей, видно, что для приличия (но от этого не легче) улыбкой радушного хозяина, что-то говорит ей, потом смотрит на меня, ловит мой напряженный взгляд. И чего я так напряглась-то? Мне же все равно?

Потом Антон мягко высвобождается из цепких рук Марии и, сделав несколько шагов в мою сторону, совершает плавную посадку на пластиковый стул рядом со мной:

– Чего скучаешь, Каштанка?

Черт. Опять эта Каштанка. Он со школы меня так дразнит. Пора бы уже и прекратить. Взрослыми уже стали. Смотрю на него: «Нет, похоже, не стал еще».

Мы сидим за большим столом на террасе, легкий ветерок практически прогнал всех комаров. Приятно...

Приятно, что нет комаров. Приятно, что Антон находится рядом.

Старая яблоня, раскинув свои узловатые ветви, подставляет плотные гляцевые листья под лучи солнца, впитывая их греющую ласку. Ее коренастая фигура отбрасывает густую тень, в спасительных плотных кружевах которой скрывается от летнего зноя пес Бульдог. Странное имя для собаки, если порода у нее... Да и породы-то нет никакой. Дворняга беспородная. Но это тоже не мое дело.

А я со своего наблюдательного поста замечаю, что Мария и не думает теряться. Легкой походочкой от бедра она скользит к Виктору и начинает что-то щебетать ему со знойной улыбкой.

Так. Стоп. Где же Люда? Почему не сработала сигнализация?

Виктор наклоняется к девушке пониже, (что? неужели так интересно, что она ему скажет?), а она что-то умильно шепчет ему на ухо, потом кокетливо глядит на него и заливается гортанным смехом.

Ничего себе.

Глазки Виктора как-то маслянисто блестят, а мелкая щеточка дохленьких усиков над верхней губой зазывно улыбается.

Маше – двадцать семь, она для него молода. И, похоже, он совсем не против ее общества.

Смотрю, как он приосанивается и машинально хватается за ремень своих брюк. Этот жест говорит о том, что он, похоже, не прочь с ней уединиться.

Так. Где Люда? Я скольжу взглядом по лужайке. Люды нигде нет.

Среди гостей крутится Вячеслав. Именно с ним тетя Лариса пила шампанское. Это ее муж. Отец Антошиного брата Никиты и отчим для Антона. Очень хороший, кстати, отчим. Антон называет его папой. Вячеслав появился в их семье, когда Антону было десять лет, но он спокойно смог наладить отношения с подростком, прибывающем в не совсем легком возрасте.

Это простодушный, среднего роста коренастый мужчина с открытым лицом и теплыми серо-голубыми глазами.

Никита внешностью пошел в отца. У него такие же серо-голубые умные глаза, светлые волосы, но вот фигурой он в мать – худой и стройный. Он ездит в районный центр в бассейн, что уже отразилось на развороте его плеч, у него уже есть любимая девочка с соседней улицы, хотя ему всего двенадцать, а еще он – очень умный. Выиграл в этом году олимпиаду по математике.

Вячеслав крутится на лужайке с короткостриженной травой, разжигая огонь в мангале. Никита ему помогает.

Пацан ловко складывает под умелым руководством отца домик из щепочек и одной спичкой разжигает конструкцию. Пламя вспыхивает, все быстрее отвоевывает себе территорию, змеясь огненными языками по деревянным пластинкам.

Тут в калитке появляется новый знакомец дяди Славы – Андрей Зарубский. Интересная фамилия.

Он примерно одного возраста с Вячеславом, такой же комплекции, похож на него, как брат, поэтому неудивительно, что они так легко нашли общий язык.

Познакомились они на рыбалке. Отчим Антона – заядлый рыбак. Я еще не сказала об этом? Да. Причем рыбу он не любит ни в жареном, ни в вареном виде, а любит ее только выуживать из речки. Потом свой улов он раздает всем желающим, потому что его домочадцам рыба тоже надоела, как в вареном, так и печеном виде.

Вячеслав, судя по всему, сильно прикипел к своему новому приятелю, раз вот даже на день рождение жены пригласил.

Один рыбак (по имени Вячеслав), только увидев другого рыбака, своего нового знакомого (по имени Андрей), сразу шуршит к нему навстречу, оставив мангал на Никиту. Я фыркаю про себя. Осталось еще хвостиком помахать в знак преданности. Не замечала в дяде Славе такой ярковыраженной любви к людям.

Зарубский дарит Ларисе красиво упакованный конверт. Она начинает торопливо его распаковывать, делая нервные несоординированные движения длинными пальцами.

Ни каждый день дарят подарки в упаковке. Пакет долго не поддается, ее лицо выдает нетерпение. Наконец она справляется с шуршащей обёрткой и извлекает из красочной фольги необыкновенной красоты шелковый шарф, который медовыми с позолотой переливами струится в ее руках, отражая лучи солнца.

Радостно вздыхая, благодарит Андрея Зарубского. Протягивает ему руку, а тот в ответ наклоняется и целует точеные пальцы, одновременно смотря ей в глаза туманным Альбионом своего взгляда.

Тетя Лариса смущается. На ней – симпатичное, но по-деревенски простое светло-сиреневое платье с серыми изливами по подолу, который треплет услужливый ветер. Волосы, против обыкновенного пучка на затылке, распущены темными прядями вдоль красивого овала лица.

В другой жизни она могла бы стать музой художника или режиссера. В ней чувствуется какая-то аристократичная порода. Стать. Но в своей жизни она -обычная учительница по русскому языку и литературе в деревенской школе. Ей сорок два, но волосы без единого намека на седину, кожа – гладкая, блестящая. Только первые морщинки в уголках темно-карих глаз выдают возраст.

Простоватый Вячеслав совершенно не замечает, что творится вокруг. Не видит, каким взглядом смотрит новоиспеченный дружок на его жену. А следовало бы обратить внимание.

Зарубский прикатил из Питера. Он представился художником. Как кстати! Возможно, хочет писать портрет с тети Ларисы? Хорошо, если так. Но пока что предложений по написанию портретов от него никаких не поступало. Да и вообще он нигде не был замечен с мольбертом и холстом на подставке.

В наших краях нередко останавливаются художники. Просто приезжают на машине на денек, другой. Часто – группами. Рисуют деревянные деревенские дома с покосившимися от времени углами, целомудренную красоту нашей природы. Зарубский же ничего не пишет.

Зато с поволокой в светлых глазах смотрит на тетю Ларису и еще подарил ей очень дорогой подарок. Станный жест для не очень хорошего знакомого. В платках шелковых я разбираюсь. Такой стоит целое состояние. Для нас. Не знаю, как для него. Может, у него во второй столице огромные доходы, и купить для него такой подарок – абсолютнейший пустяк.

– О, клево, мам, примерь, – крутится Никита возле матери.

Она смущается еще больше. Ее щеки полыхают. Удивительно все это наблюдать.

Она неумело накручивает платок на шею (не привыкла к таким аксессуарам, конечно), получая одобряющее Никитино: «Тебе идет».

– Какие подарки сегодня клевые, – одобрительно говорит пацан. – Вино эксклюзивное...

И платок вот тоже ничего.

– Никит, нехорошо обсуждать подарки гостей, – укоризненно говорит ему Лариса.

– А что за вино? – вдруг проявляет искренний интерес Андрей Зарубский.

– На столе там стоит, на кухне, – машет рукой Никита, и хвастливо добавляет:

– Дорогущее.

– Ишь ты! – одобряет Зарубский.

– Папа сказал, что это вино исключительно для мамы. Только она его будет пить. Потому что это ее подарок. А кто ж претендует, – пожимает плечами светловолосый мальчуган. – Мне вообще еще пить рано. Мне всего двенадцать лет.

– Что? Не наливают еще? – понимающе смотрит Зарубский.

– Нет, – сопит Никита.

– Чем еще помочь, Ларис? – спрашивает свою подругу вновь появившаяся на улице Людмила, прерывая разговор.

Она уже стоит на лужайке, возле объемного куста гортензии, лихо отвоевавшей себе значительный кусок земли на центральном месте возле дома.

Она растерянно шарит глазами по собравшимся. Ее женишка, как, впрочем, и Марии, нет. Бесследно испарились. Что за черт? Я не уследила, куда они улизнули. Засмотрелась на подарок Зарубского.

Зарубский же, в свою очередь, решил скрыться в прохладной глубине дома:

– Пойду, руки помою, – бубнит рыбак себе под нос. Есть, видимо, уже хочет.

Лариса – известная кулинарка, поэтому, думаю, она сможет удивить даже этого, наверняка искушенного гостя.

– А где Витя? – растерянно спрашивает то ли меня, то ли себя, Людмила.

Да, Вити ее нет нигде.

Может, это не мое дело. Не надо вмешиваться! Но я вдруг решаю сделать «доброе» дело, сообщив ей о своих наблюдениях. И сразу же понимаю, что делать мне этого не нужно было. Но слова, которые однажды сорвались с губ, обратно уже вернуть не удастся.

По лицу Людмилы пробегает трещина боли, искажая ее бледное лицо. Дымчатые глаза наполняются влагой. Она незаметно для себя начинает судорожно сплетать и расплетать пальцы. Теревит вырез на блузке.

Потом неожиданно резко подрывается и, практически столкнувшись в дверях с Зарубским, убегает в дом. «Наверное, плакать побежала», – думаю я. И на душе становится очень мерзко. И кто меня за язык вообще тянул?

Антон, наблюдавший эту сцену, молча мотает головой и идет к отцу. Умелыми руками начинает насаживать мясо на точеную сталь блестящих шампуров. Я ловлю себя на мысли, что мне приятно смотреть за его уверенными движениями, видеть, как рубашка рельефно обтя-

гивает при его движениях плечи. Он ловит мой взгляд на себе и подмигивает мне в ответ. Я улыбаюсь.

Рядом со мной на террасе сидит Юля. Забыла про нее сказать, потому что она все это время была в доме. Она появилась здесь еще до моего прихода. Любимая Ларисина ученица. Пришла помочь ей накрыть на стол задолго до всех. Похвальное рвение, ничего не скажешь.

Бледная, как моль, анемичная девушка. Но круглая отличница, максималистка. При взгляде на нее противная мысль больно колет в районе солнечного сплетения, потому что я знаю, что Лариса хочет сосватать Антона с ней.

И неожиданно для себя, решаю, что не дам ей этого сделать.

– Юль, принеси, пожалуйста, салфетки, – обращается Лариса к анемичной девице.

Я чувствую, как та начинает с готовностью шевелиться рядом, хотя только что села.

– Мам, я принесу, – говорит младший сын изменницы.

Никита бодрой рысью пробегает мимо меня в дом.

Бледная моль остается сидеть на месте, удрученно смотря куда-то вдаль. Что она там разглядывает? Украдкой проследив ее взгляд, я понимаю, что так привлекло ее внимание. За забором неестественно живо, я бы даже сказала, агрессивно, какая-то внешняя сила мотает буйно разросшиеся кусты сирени.

И я догадываюсь, что это не ветер и отнюдь не землетрясение в пять баллов.

Но тут крик Никиты, громкий, мальчишеский, прорезает сонную знойную тишину.

Все оборачиваются на крик. Вячеслав сразу кидается в дом.

Но подросток уже выходит. Его светлые глаза широко распахнуты.

– Что случилось, сын? – кидается к нему отец.

Верхушки деревьев тихим шепотом подхватывают его слова и, комкая, уносят прочь, в низину, к речке.

– Тетя Люда... Там... – дрожащие губы плохо выговаривают слова. – Она мертвая там.

Глава 6

Другая жизнь Веры

Ирина Анатольевна ворвалась в кабинет экономического отдела разъяренной фурией и, одарив Веру мрачным взглядом сквозь очки, просвистела за свой стол.

Начальница отдела сидела вместе со всеми в одном кабинете.

Вера испытала неприятное предчувствие надвигающейся беды. Так себя, наверное, ощущает молодая мама, которая ушла гулять с малым дитем далеко в поле, и вдруг увидела быстро гонимые ветром грозовые аспидно-черные тучи. Тучи, которые стремительно и плотно обволакивают все небо, начиная с горизонта.

Потом, видимо, немного придя в себя, Ирина Анатольевна решила спросить Веру, источая термоядерную враждебность:

– Ты что там такое Денису Викторовичу сделала? – в словах слышался какой-то явный сексуальный подтекст.

– Что? Ничего... – чуть слышно пробормотала Вера несчастным голосом.

– А что такое случилось, Ирина Анатольевна? – осведомилась Ольга Святославовна, женщина средних лет, экономист высшей категории, с такой же прической и маникюром.

Вера напряглась, готовая услышать ответ начальницы. Все внутренности ее свело в тревожном ожидании.

Но тут на ее столе раздался телефонный звонок. Она удивленно взяла трубку: ей редко кто звонил. У Ирины Анатольевны, в отличие от нее, телефон постоянно разрывался от звонков.

Звонила помощница Свердловского:

– Добрый день. Денис Викторович срочно ждет Вас у себя в кабинете.

Вера ощутила огненный укол в районе пупка, который потом по спирали начал распространять жаркое пламя по всему животу.

«О боже. Что сейчас будет», – пронеслось у нее в голове.

Она резко вскочила со своего рабочего места и, буркнув под нос:

– Меня вызывает Свердловский, – кинулась к выходу из кабинета.

– Вызывает ее, – донеслось ей в спину желчное шипение.

Вера, подхваченная ветром, быстро прилетела в приемную.

Все та же девица модельной внешности уже более дружелюбно, чем в прошлый раз, оглядела Веру своими карими глазами и уже в высшей степени дружелюбно пропела:

– Как Вы быстро. Проходите. Денис Викторович Вас ждет.

На этот раз помощница Свердловского соизволила встать из-за своего стола и, фигуристу продефилировав мимо Веры, распахнуть перед ней дверь в его кабинет. Сначала заглянула туда сама, проворковав:

– Денис Викторович, Вера Андреевна пришла.

«Вера Андреевна? Отчество приплела. К чему бы это? К чему такие метаморфозы?» – Вера была сильно взволнованна.

И вот уже во второй раз на этой долгой неделе она зашла в его кабинет.

Помещение, как и в прошлый раз, было заполнено льющимся из окон светом, мерно покачивались от дуновения ветра собранные в вертикальную полосу белоснежные жалюзи. Дневной свет на сей раз был подкреплен еще и искусственным ярким освещением галогеновых ламп под потолком.

Вере в этот раз удалось разглядеть большую инсталляцию на стене. В прошлый раз она на нее почему-то не обратила внимания, хотя она очень бросалась в глаза.

Какая-то футуристическая композиция (не пойми чего) из картона, стекла и еще каких-то подручных материалов. Что-то отдаленно напоминающее теннисную ракетку. И одновременно можно было принять это нечто за причудливый изгиб флакончика с какой-нибудь микстурой. Все-таки, как никак, фармацевтическая компания. Не спортивный стадион.

Оказалось, что это и то, и другое. Под разными углами зрения можно было увидеть сначала ракетку, а потом уже баночку с микстурой. Неожиданно. Сальвадор Дали нервно курит в сторонке.

Денис Викторович на этот раз сидел за большим столом, который затерялся где-то в углу его огромного кабинета. Он был один.

Мысли, одна другой глупее, проскакивали через ее мозг и вылетали в дыру, проточенную в нем все возрастающей паникой.

«Почему Ирина была в бешенстве? И что она имела в виду, когда говорила о каких-то услугах, якобы оказанных ею Свердловскому? И вообще так ли это важно сейчас, что она имела в виду? Ведь самая главный вопрос сейчас: зачем Вера здесь?»

Свердловский встал ей навстречу.

Однако.

Девушка в испуге смотрела на медленно и грациозно приближающуюся к ней высоченную фигуру, на красивое мужественное лицо обладателя этой фигуры, и ей вдруг показалось, что стены огромного пространства начали смыкаться над ней, а большой кабинет превратился в узкий тоннель.

Дыхание у Веры перехватило. Она вообще забыла, как дышать. И даже мобилизующихся при стрессе дополнительных сил сейчас ей было явно недостаточно.

Она напоминала себе сейчас лягушку в обмороке. Как интересно, она выглядит со стороны? Так же, как себя ощущает?

Он остановился в нескольких шагах от нее.

– Присаживайтесь, – он указал ей на кресло около небольшого столика, а сам присел напротив.

Она осторожно окунулась в прохладные объятия кожи и теперь сидела, боясь пошевелиться, боясь поднять на него глаза. Вера молча рассматривала свои завязанные в узел руки, сложенные на коленках.

Разглядывала с каким-то особым маниакальным упорством сизо-серый рисунок ткани своей юбки, как будто от этого узора сейчас зависела ее жизнь. И никак не могла привести в норму дыхание и тревожно отсчитывающий удары ритм сердца. Что он хочет от нее?

– Вера, – его голос прозвучал мягко и обволакивающе.

Девушка подняла на него глаза. Их взгляды встретились, и она уже не смогла отвести глаз.

Он поймал ее взгляд, зрачки девушки расширились: «Есть!»

– Хочу Вам предложить новую должность, – начал он без предисловий. Его глаза были подернуты серебристой дымкой.

Вера удивленно смотрела на него.

Он продолжил:

– Давно искал замену Ирине, она не устраивает меня уже очень давно. Слишком ленива и делать ничего не хочет, – он недовольно почесал лоб. – Как и весь ее отдел, впрочем. Но в последнее время я заметил изменения в ее работе. В лучшую сторону, – он многозначительно посмотрел на Веру.

– Улучшилась подача материала. Вместо скомканных цифр, сложенных столбиком, я начал получать красивые результаты. Я был приятно удивлен и обрадован случившейся метаморфозе, но не знал, с чем она связана. И вот, увидев Вас, я понял, откуда такие изменения.

Вера молчала, не зная, что сказать.

– В общем, я предлагаю Вам занять место начальника отдела, – взгляд его стал более пристальным.

Она не верила свои ушам. Как такое вообще возможно?

– Денис Викторович, спасибо, но я даже не знаю... Такая ответственность. Мне кажется, я не готова, – обрела дар речи Вера и чуть не дала себе пощечину, чтобы привести себя в чувство. Кто же отказывается от таких предложений?

Он медленно соединил ладони и убедительно сказал, смотря ей прямо в глаза:

– Вы девочка умная, со всем справитесь.

– Умная? Спасибо за комплимент, – Вера опустила глаза и налилась розовым сиянием.

«Как успел только разглядеть-то, что она умная. Но приятно, конечно, слышать такие слова от руководства, тем более самого наивысшего».

– Это не комплимент, – тембр его голоса стал глуше, и Вера почувствовала, как холодный озноб, бегающий по спине, сменился на теплые мурашки.

– В общем, – подытожил он. – Приступайте с сегодняшнего дня к новой должности. Зарплата в два раза больше, чем у Вас сейчас. Для начала. А там-видно будет. Устраивает Вас такое мое предложение?

«Конечно, устраивает. Еще бы не устраивало».

И потом: столько в его голосе было власти, что спорить было бесполезно. Да и стоило ли? Такие предложения поступают только раз в жизни. Ничего, что подсидела Ирину Анатольевну. Неудобно, конечно, но надо оттачивать зубы, наверное. Пора уже. Не девочка. И тем более у нее и мыслей таких не было – подсиживать ее. Все само собой как-то получилось.

– А как же Ирина Анатольевна? – все-таки пискнула Вера в продолжение к своим мыслям, устроившим свистопляску у нее в голове.

Похоже, Верин вопрос сильно позабавил Дениса Свердловского.

– Вы действительно обеспокоены ее судьбой? Или так, для приличия спросили? – его губы сложились в широкую ухмылку.

Вера вообще была не способна вести с ним диалог на равных. Она чувствовала себя так, как будто не попала под ту самую грозу в поле, но все-таки стояла, вся промокшая. Холодные капли непролившегося дождя текли по ее озябшей вмиг спине.

– Я предложил пока ей место Вашего зама, а там посмотрим, – пренебрежительно махнул он рукой. – Если что-то пойдет не так, говорите смело, в таком случае вообще поменяем отдел. А ее - в первую очередь.

– Не так – это как? – насторожилась Вера.

Он посмотрел на нее с искренним изумлением:

– К примеру, могут саботировать работу. Игнорировать Ваши указания.

Вера судорожно вздохнула.

Его плоть на ее вздох дернулась в ответ: «Черт, Свердловский! Это что еще сейчас такое было?»

Поймав вздох девушки, он мягко произнес:

– Не переживайте. Все будет хорошо. Я помогу, если что. Уволим всех, кого что-то будет не устраивать, – на его губах играла улыбка.

Глава 7

Вера

– Все просто до тупизма, – торжественно изрекает Пиндилов Геннадий, деревенский участковый, прибывший на место.

Смотрю на него во все глаза: «Однако, какой самоуверенный тип. Все знают, что Пиндилов никогда еще не имел дело с убийствами. А я не сомневаюсь, что Людмилу убили. Хотя страшно подумать, что это кто-то из присутствующих. Но это так. А тут прямо героический Шерлок Холмс вырисовывается. За пять минут все определил, сложил в картинку. Шерлок Холмс свое первое дело раскрыл, когда ему еще и тридцати не было. А этому уже ближе к сорока годам, но начинать ведь никогда не поздно. Видимо, он так считает».

Пиндилов стоит, широко расставив ноги, посередине нашей приунывшей компашки. Все на своих местах. Только Людмилы уже никогда не будет с нами. Она пока лежит на Ларисиной кухне. И причина ее смерти пока не понятна.

– Я не думаю, что это убийство. Скорее, остановка сердца, – ответственно заявляет Пиндилов.

– Гена, ты что? Какая остановка? Она была здорова. Абсолютно здорова. И никогда никаких проблем с сердцем не имела, – возражает Лариса.

Пиндилов недовольно смотрит на нее, наморщив морщинами круглый, с крупную картофелину нос. Он подтягивает губы, собранные отрицающей ее слова трубочкой, к кончику своей картофелины.

Все его лицо плывет складками, как у мопса.

– Так, Лариса. Называй меня по имени отчеству. Я при исполнении, – расправляет он худые плечи. – А потом... ты кто тут? Эксперт? – верещит он, уставившись на нее глупо поблескивающими из складок мелкими пороссячьими глазками.

– Да и ты тоже не эксперт, – парирует Лариса.

– Фто ж, подождем эксперта, – на удивление для всех соглашается Пиндилов.

Эксперт приезжает из районного центра через час. Должна была приехать еще опергруппа со следователем. Но что-то им помешало.

Пиндилов, оказавшись главным действующим персонажем после разыгравшейся трагедии, еще больше чувствует свою значимость, ходит, брызгая ядовитой слюной во все стороны.

Эксперт, высокий худощавый мужчина средних лет с заостренным носом и тонкими губами, со знанием дела приступает к осмотру, и скоро делает предварительное заключение:

– Смерть наступила в результате отравления психотропным препаратом. Каким именно, сообщу после вскрытия. Забираю вот эту бутылку для экспертизы тоже.

– Фто за бутылка? – интересуется Пиндилов.

– Стояла на столе в кухне, где была обнаружена жертва. Полностью опустошенная. Рядом бокал. Возможно, именно в бутылке находился яд. Бокал я тоже изымаю, – добавил он.

– То есть речь идет об убийстве, я правильно понимаю? – уточняет Лариса, в одну секунду превратившись в бледную тень себя. Еще бы. Ее можно понять, да и нас всех. На дне ее рождения произошло убийство ее лучшей подруги.

– Я всего лишь эксперт. Я не делаю логических заключений. Я говорю причину смерти и собираю улики. Делают выводы другие, – с этими словами он смотрит на Пиндилова. Похоже, тот уже свои выводы сделал. – Возможно, что она сама приняла смертельную дозу. Был у нее повод покончить жизнь самоубийством? Хотя место и время, прямо скажем, неудачное, – оглядев нас, говорит эксперт.

– Ну, какой повод? – разводит руками Лариса. – Она – сама жизнерадостность... Была...

– Так, – включается в разговор Пиндилов. – Откуда эта бутылка?

Он направляет свои рыбьи глаза на Ларису и ждет ответа.

– Ее мне Людмила и Виктор на день рождения подарили, – неуверенно сообщает Лариса, успевшая разглядеть запечатанную в пакет бутылку в руках эксперта.

– Кто такой Виктор? – шурит свои маленькие глазки Пиндилов, разглядывая присутствующих. – Не знаю такого.

– Это я, – подает голос обнаружившийся в углу террасы Виктор.

– Кем Вы являетесь пострадавшей? – глаза из рыбьих орбит просто выкатываются наружу.

– Кому? Людмиле?

– Да. Да. Людмиле, – недовольно верещит Пиндилов.

Виктор мнетя, не зная, каким словом назвать их с Людмилой отношения.

– Хахаль он ее, – неожиданно резко отзывается Мария, сидящая за столом.

– Ах, вот как. В таком случае: все просто до тупизма, – произносит свою коронную фразу Пиндилов.

– И что же просто? И до какого тупизма, стесняюсь спросить, – настораживается щеточка усов Виктора. В глазах мелькает беспокойство.

– Единственный подозреваемый – это Вы.

– Что значит я? – натягивает он на губы нервную улыбку. Видно решает, что у Пиндилова такой юмор. Черный.

– Кто имел доступ к бутылке? Вы и Людмила. Людмила мертва. Остаетесь только Вы. Все просто, – довольный собой, гордо заключает Пиндилов.

– Да Вы что такое говорите? Мне какой резон? – переходит на высокие ноты Виктор.

– А это Вы нам сейчас и расскажете, – безапелляционно чеканит Пиндилов, напирая хилой трусливой грудью на Виктора.

– Нечего мне рассказывать, – возмущается Виктор в ответ. Он ни на шутку тревожится. Казавшаяся странной поначалу ситуация в его обвинении выходит из-под контроля, обретает пугающую мощь.

Я перевожу выразительный взгляд с Пиндилова на Антона.

Антон явно удивлен происходящим с такой быстрой скоростью расследованием.

– Работает профи. Учитесь, пока я жив, – победоносно ухмыляется Пиндилов. – Раскрыл дело за два часа. Кто так еще может?

Мы недоуменно молчим.

– Прошу проехать со мной, – официальным, подчеркнуто-сухим тоном произносит Пиндилов в направлении Виктора.

Виктор растерянно и одновременно затравленно смотрит на нас.

А мы и не знаем, что сказать. Он – чужак здесь. Мы его не знаем. Мотивов и в самом дела пока никаких не просматривается. Но чужая душа – потемки.

Неожиданно заканчивается для всех нас этот вечер.

Перед тем, как уйти с Пиндиловым, Виктор подходит к Антону и осторожно просит его:

– Антон, я знаю, Вы юридический закончили. Прошу Вас, помогите мне, это не я сделал.

Глава 8

Другая жизнь Веры

Коллектив встретил возвращение Веры гробовым молчанием. Похоже, насчет саботажа Свердловский не ошибся.

Под пристальными недобрыми взглядами она юркнула на свое рабочее место и уставилась невидящим взглядом в монитор. Все происходящее больше напоминало сон. Она еще не имела стратегии, как выбираться на зыбкую поверхность. Только испуганные глаза, чтобы видеть, куда плыть, да нос, чтобы дышать, были над водой.

В любом случае надо было выплывать. Внутренний озноб пронизывал ее тело, холодной струйкой прокатывался вдоль позвоночника. Она решила для себя, что пора прекращать быть личностью, эмоционально зависимой от чужих взглядов и мнений. Она теперь – начальник отдела. Ее главный назначил. Надо соответствовать.

От этих мыслей она приободрилась, распрямила спину и обвела взглядом сотрудников, теперь уже своих подчиненных.

Девушка неожиданно для себя подумала, стоило ли ей теперь вообще заморачиваться и обращать внимание на недоброжелательные взгляды, если у нее есть такой покровитель?

И Вера решила, что нет, не стоит.

Но легко сказать: не стоит. Но вот как не обращать внимание?

Как ей теперь здесь работать? Кто ее вообще слушать-то будет?

Ответом на ее непроизнесенный вопрос была мрачная тишина в отделе. Видимо, Ирина Анатольевна уже была в курсе вопроса и рассказала об этом курсе остальным.

«А потом, – вдруг подумала Вера, – ее рабочее место».

Вера вдруг осознала, что ее уже не устраивает тот стол, который она занимает. Он был расположен в очень неудобном месте: на проходе. Мимо нее всегда кто-то ходил, отвлекая.

И если еще вчера, будучи молодым специалистом на испытательном сроке, она и рот боялась открыть, была согласна со всем, что бы ей не сказали, прыгала так высоко, как говорили, сидела там, где велели, то сегодня все резко изменилось.

Изменился статус: модифицировалось и восприятие окружающего мира.

Пожалуй, ей теперь можно и место Ирины Анатольевны занять: около окна, большой стол, кресло руководителя. Почему бы и нет? А что? Она сама удивилась своей наглой мысли. Но мысль ей понравилась. Но как осуществить эту затею?

Это было для нее недоступно. Она не зубастая акула, не хамка, что делать: непонятно.

Ее размышления прервал торжественный вход в их отдел Дениса Викторовича. Он пришел кинуть ей спасательный круг, и она сразу в него вцепилась.

Похоже, его прибытие было событием года, а, возможно и десятилетия. Потому что, словно по команде: «Стройся» – все выпрыгнули со своих рабочих мест, стараясь быть выше и стройнее. Переполошились, как потревоженные в курятнике наседки.

Свердловского сопровождал директор службы персонала и начальник ИТ-службы. Вера их знала.

– Дамы, – Денис Свердловский обвел взглядом взволнованный и вмиг притихший коллектив.

Все смотрели на него зачарованно, словно находились под гипнозом.

– Думаю, вы уже в курсе, – хмыкнул он. – А я теперь официально довожу до вашего сведения, что с сегодняшнего дня начальником экономического отдела является Вера Андреевна Игнатова. К ней обращаться на Вы и с почтением, – он кинул на Веру взгляд цвета полыни.

Вера тоже стояла по стойке «смирно» около своего стола и прошептала:

– Может, не надо так официально? – но ее никто не услышал.

Все молча внимали словам главного акционера.

Он перевел взгляд на Ирину Анатольевну, и изморозь, появившаяся в его глазах, была многоречивее произнесенных слов.

– Приказ уже подписан, – губы сжались в твердую линию.

Начальница отдела, теперь уже бывшая, против своего румяного обыкновения, стояла бледная, с коварно просвечивающими через бледную, отдающую пепельной серостью, кожу пятнами.

– Вера Андреевна, Вам, может, личный кабинет? – обратился он снова к Вере, и девушке показалось, что он ей даже подбадривающе подмигнул. Или только показалось?

И еще она увидела, как челюсть Ирины Анатольевны упала до самой грудной клетки женщины. Ведь она работала в компании уже давно, но личного кабинета ей никто и никогда не предлагал. А ее разговоры с финансовым директором на эту тему всегда жестко пресекались.

Не дожидаясь Вериного ответа, Свердловский сам за нее все решил, что в данной ситуации было правильным:

– Да, личный кабинет просто необходим. Организуйте, пожалуйста, – кинул он за плечо своим сопровождающим.

– Все будет сделано, – приторной любезностью директора службы персонала можно было обмазать огромный торт.

– Если вдруг будут недовольные кадровыми перестановками, прошу ко мне, – Денис Свердловский сказал это так душевно, что у всех вмиг скрутило животы. – А лучше сразу в отдел персонала. Писать заявление по собственному желанию, – жестко добавил он.

Он замолк, с удовольствием оценивая произведенное его словами впечатление.

Нужного ему эффекта он достиг: все стояли в немом преклонении и даже ни одной мысли крамольной в глазах он не увидел, тем более, не услышал никакого мятежного писка. Никто не хотел терять теплое, хорошо оплачиваемое место в его компании. Тем лучше.

– Можете продолжать работать, – наслаждаясь всеобщим замешательством, он покинул кабинет экономического отдела. Группа сопровождения потрусилась за ним.

Когда делегация ушла, кабинет наполнил рой голосов, на новоиспеченную начальницу обрушился целый каскад эмоций. Да, Денис Свердловский умел убеждать. Все кинулись вдруг к Вере с вопросами, поздравлениями, сияя улыбками, которыми можно было бы осветить небольшой городок. Кто-то даже умудрился чмокнуть в щеку. Какие все лицемеры.

Одна только Ирина Анатольевна сидела на своем рабочем месте. Наверное, уже листала хэд хантер в поисках новой работы.

– Ты знаешь, сколько здесь работаю, а это уже пять лет, ни разу не видела, чтобы Свердловский к нам заходил, – прошептала ей Томочка Кляревич. Она, возможно, единственная была рада нечаянному успеху Веры.

Глава 9

Другая жизнь Веры

Да, теперь одного жемчужного костюма было маловато. Вера вышла на новый виток своей карьеры, продвинулась на несколько шагов к вершине своей радуги.

Как и распорядился Свердловский, ей предоставили отдельный кабинет. Небольшой, но уютный.

Раньше этот кабинет был в распоряжении трех человек, теперь их выселили вместе со столами в другое помещение, а Вера Андреевна отныне царствовала в великолепном одиночестве за новым большим столом, в новом, цвета ванили кресле, даже более объемном, чем у Ирины Анатольевны.

В кабинет завезли офисную мебель такого же цвета, как и кресло. Все новое. Купленное службой снабжения исключительно под заказ для нее, по ее выбору. Она вдруг поняла, что ей нравился именно такой цвет.

А теперь о грустном...

Вера не то, что подозревала, она знала, что у нее завелись недоброжелатели и, конечно, завистники. И эти ядовитые языки с упорным рвением разносили по офису сплетню о том, что она – любовница Свердловского. От того и карьера ее так неожиданно резко и головокружительно пошла на взлет.

Еще бы! Молодой специалист и вдруг сразу начальник. Где такое вообще видано? Только в постели у Дениса Викторовича.

А ей бы хотелось, чтобы этот слух оказался правдой. Но это были лишь фантазии и домыслы отчаянно настроенных (не)товарищей. В реальности все было менее романтично. Свердловский действительно увидел в ней ценного сотрудника и, устав от вялотекущей работы своего экономического отдела, внес туда свежую струю в лице нового начальника. Результатом он был более чем доволен.

Вот и сегодня. Впрочем, как и вчера, и позавчера. Часы уже перевалили за семь часов вечера, а Вера еще сидела за своим начальственным столом, корпя над данным ее отделу заданием. Она могла бы распределить работу на экономистов, своих подчиненных. Но коллектив по-прежнему работать не хотел, и все задания также, как прежде, спускал на тормозах, перешивая с гвоздика на гвоздик. Замена начальства не поменяла их расслабленный настрой.

Здесь она была бессильна что-либо изменить. А результат Свердловский требовал от нее. Может, его идея поменять отдел была и не такой уж плохой? Но на такой шаг была нужна решимость, которой у Веры совсем не было.

Но поменять хотя бы несколько сотрудников не помешало бы. А то ведь Вера так может скоро и сдуться, выполняя за всех их работу. Помощником ей была только Тома Кляревич.

А еще был финансовый директор, который теперь стал ее непосредственным начальником. В его подчинении кроме экономического отдела находились еще бухгалтерия и претензионно-договорной отдел.

Вера поначалу была рада, что финансовым директором был мужчина. А удача, по ее мнению, заключалась в том, что он хотя бы не распространял сплетни, и относился к Вере, мягко говоря, лояльно. Но лояльность эта была какая-то непонятная, слащавая что ли ...

Носил финансовый директор витиеватое, как и он сам, имя: Альберт Илларионович. Это был мужчина далеко за пятьдесят, с серебрищейся в темных волосах сединой, с хищно поблескивающими сквозь очки в дорогой оправе маленькими глазками. Престарелый Казанова. И Вера ему нравилась. Она чувствовала это, и от этого ей было как-то не очень... Флиртовать с ним у нее не было никакого желания. Слишком неприятный тип. Какой-то скользкий, как дождевой червяк.

Глядя на Веру, он все время как-то неприятно и сладострастно причмокивал. Хотя сплетен Альберт Илларионович и не распространял, но он их знал. Поэтому дальше этих причмокиваний дело не уходило.

Стояли на редкость жаркие летние вечера, и Вера, в очередной раз задержавшись на работе, открыла дверь в свой кабинет, стараясь создать сквозняк в помещении.

Она увлеченно верстала бюджет рекламной кампании и не сразу заметила в дверях кабинета постороннее присутствие. Ковролин коридора позволил подойти ему незамеченным, заглушил его мягкую поступь.

Свердловский стоял в дверях ее кабинета и смотрел на нее. Он хотел понять, что в ней есть такого особенного, чего нет в других. Какой-то секрет, который отличает ее от остальных.

Вера в задумчивости заправила локон за ухо, проведя пальчиками по контуру симпатичной ушной раковины.

Ее жест отозвался в его паху.

«Ну круто, Карл! Тебе что, пятнадцать?!»

Да, похоже на то. Не мог пройти мимо открытой двери, не мог удержаться, чтобы еще раз не взглянуть на нее, чтобы еще раз не удостовериться в ее действии на тебя.

И что? Убедился? А как же. Еще как!

И вот ты стоишь, как дурак, в дверях ее фирменного кабинета и пялишься на нее, как пацан желторотый. А чего стоишь? Чего пялишься? Что сейчас ей скажешь? Зачем пришел? Может, уйти, пока не заметила?»

Неприлично сексуальный аромат, густой от пачули, наполнил небольшое помещение.

Она вздрогнула и, подняв огромные глаза, уставилась на него.

«Поздно отступать».

На нем белоснежная, тонкого шелка сорочка, слегка расслабленный галстук и явно сшитый на заказ легкий костюм. Конечно, истинный Свердловский не опустится никогда до покупки костюма с вешалки в магазине.

Вера как-то испуганно дернулась, потом спросила голосом, резко подскочившим на пару октав:

– Денис Викторович?! – а ее щеки порозовели.

«Да! А ты волнуешь ее. Приятно это сознавать».

Ее губы приоткрылись удивленным бантиком, и он поймал себя на мысли, что хочет закрыть этот бантик хозяйским поцелуем.

Он слегка выгнул бровь:

– Еще на работе? А я вот зашел посмотреть, как Вам оборудовали рабочее место, – прошелся он взглядом по кабинету, а потом опять остановил его на владелице.

«У нее такая сексапильная родинка на щечке. Хочется ее поцеловать... Так. Успокойся, Свердловский. Она тебе нужна для других целей».

– Все очень замечательно, – ее голос снова дал «сопрано», и это его позабавило.

Вера на мгновение прикрыла глаза длинными ресницами, а Денис Викторович издал мысленный стон: «Проклятье! Надо валить отсюда!»

Мужчина обеими руками взъерошил волосы, не зная, о чем дальше беседовать, потому что все его мысли бурным потоком унеслись вниз, нарушая все мыслимые и немыслимые законы природы, затуманенный мозг функционировал уже где-то там, в штанах.

Вера встала с рабочего места и сделала пару шагов ему навстречу. Он замер. В пошитых у именитого дизайнера брюках резко стало тесно. «Обалдеть! Пацан что ли?!»

На ней было легчайшее, явно недорогое платье с мелкими серебристыми брызгами, но она в нем выглядела просто сногшибательно. Недлинный подол платья лазурно-серого цвета соблазнительно шуршал по ее загорелым стройным ногам. Совсем девчонка еще. Начальница. Он ухмыльнулся про себя.

Она неловко переступала с ноги на ногу под его цепким взглядом.

А его желание гулко мчалось по спирали и вырывалось из-под контроля.

Девушка схватила какие-то листочки с принтера и приблизилась к нему почти вплотную, трепетно показывая.

– Вот, Денис Викторович, бюджет рекламной кампании готов. Посмотрите сейчас? Или Вы спешите?

Он слушал, что она говорит, не отводя внимательного взгляда от ее пухлых, волнующих его губ. Совсем близко от него. Настолько близко, что он мог провести по ним пальцем, коснуться своими губами. Так хотелось попробовать их на вкус. Ее губы – его погибель. Черт знает, что такое с ним творилось.

Она говорила с придыханием, явно нервничала. Похоже, вечер все же удался для них обоих! Похоже, он на нее действовал так же, как и она на него.

«Что тут удивляться. Другого быть и не могло, Свердловский. Кто ты и кто она».

Вера протянула ему листочки с таблицами и цветными графиками, а он, не сводя с нее глаз цвета полыни, забрал их, специально чуть прикоснувшись к ее рукам.

Ток между ними пробежал мгновенно.

Она затрепетала ресницами, как крыльями бабочки, а он понял, что пора уходить, но почему-то медлил.

И вместо того, чтобы смыться, неожиданно для себя произнес:

– На выходные корпоративный выезд на природу. Пейнтбол. Вы же едете?

– А Вы? – он поймал робкий взгляд голубых наивных глаз.

Она была намного ниже его, и чтобы увидеть ее глаза, ему приходилось чуть наклоняться.

«Хороший вопрос. Однако, девочка не такая уж и стеснительная, как могла показаться поначалу».

– Теперь думаю, что да, – пообещал он, понизив голос и сделав ударение на первом слове. В его словах ей почудилось столько сексуально-томительного подтекста, что она налилась, как спелый помидор. – А что насчет Вас все же?

«О, опять этот восхитительный румянец. Приятно же осознавать, что она так реагирует на тебя. Свердловский, колись».

– Я тоже теперь поеду, – прошептала она еле слышно срывающимся голосом.

Каждое ее слово отзывалось в его паху, словно она адресовывала их ему. Что такое с ним творится?

Он с трудом удержался, чтобы не провести рукой по ее волосам, по ее полуоткрытым губам. Ему захотелось взять ее за подбородок, впиться в ее губы своими, ощутить ее вкус. «Какая она на вкус, интересно?»

Его горло перехватило от желания, и он хрипло произнес:

– Хорошо, Вера Андреевна, завтра приходите со своими таблицами ко мне в кабинет. Побеседуем. Без посторонних, – он провел взглядом по ее лицу, по ее губам, по сладким изгибам фигуры.

И он почувствовал, как она вся дрожит под его взглядом, и ему это понравилось. Мужчина отогнал от себя любезно предоставленную эротическую картинку, как она будет трепетать и извиваться под его руками. А она будет. Несомненно. Малышка очень темпераментна.

Наслаждаясь ее смущением, он развернулся к выходу.

– До завтра, – глухо бросил.

Она так ничего и не успела сказать в ответ.

Довольный, он пружинисто вышел из кабинета.

Он убедился в том, чего хотел: малышка от него без ума. Теперь все то, что он планировал осуществить, взяв под опеку провинциальную глупышку, легко удастся.

Только вот отклик его собственного тела мужчину совсем не радовал. И не только тела. Было что-то еще. Но об этом он думать не собирался.

Судя по реакции, его тело сильно возжелало эту девчонку. Возжелало так, что сводило все внутренности. Отказать ему он вот никак не мог. Он его любил. И огорчать не привык.

Но ведь одно другому не мешало, правда ведь?

Почему бы сначала не получить наслаждение от вкуса девичьего очарования, не надкусить лакомую мандаринку? Ведь девочка так хороша, так сладка. А потом уж, испробовав сочную мякоть и насладившись ею всласть, когда надоест, можно будет и осуществить свой одиночный план. Ведь все в его руках. И она – тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.